

ИСТОРИЯ ТЕАТРА В ХАРЬКОВЕ

Видя, с свойственным каждому жителю Харькова удовольствием, отстраняющийся у нас обширный и красивый театр, подумал я, что сведения об учреждении в разные времена здесь театра будут сколько-нибудь занимательны, почему и решился написать о нем все, что знаю понаслышке, что видел подрастая и что узнал по опыту, живши всегда в Харькове.

С открытия наместничества в 1780 году, когда в Харькове из переселившихся по службе дворян и из разных мест прибывших чиновников для занятия по новому учреждению должностей составлялось общество, между прочими заведениями для веселости и рассеяния устроен был и театр. Кто были актеры, из какого звания, какие пьесы были даваемы, к сведению моему не дошло, а слышал, что давались и балеты, устроенные «отставным» С.-Петербургского театра *дансером* Иваицким. Полагаю, что эти *балеты* были просто дивертисменты; но слышал, что труппа состояла из двенадцати лиц, все из харьковцев. Конечно, были между ними и женщины, потому что вспоминая об этом веселом для Харькова времени с восхищением рассказывали об одной из танцовщиц, «маляривне» (дочери маляра), пленявшей всех посетителей ловкостью и легкостью в танцах, а еще более привлекательною паружностью. Где, в каком доме и как устроена была сцена, не знаю, как равно за чем, когда и почему все это построилось, все это было *не на моей памяти*. Подрастая и бывая иногда в обществе, слышал от всех сожаление, что нет у нас театра. Некоторые из тогдашних чиновников придумывали, как бы пособить горю, приступали, устраивали по временам спектакли, но все это после первого представления и разрушалось. Не было места, где бы можно было хотя кое-как устроить сцену и собрать актеров, сколько-нибудь понимающих дело.

В 1789 году назначен был в Харьков губернатором, или, как тогда называли, правителем губернии — бригадир Федор Иванович Кишенский, до того служивший в штате светлейшего Потемкина, генерал-губернатора харьковского. С приездом нового начальника у нас все одушевились. Председатели, советники, прокуроры, стряпчие разных присутственных мест, большая часть которых ныне уже забыты и по названиям, с своими семействами составляли многолюдное общество. Супруга и две дочери губернатора поддерживали в нем единомыслие; с каждым были ласковы, ко всем приветливы, обращение искреннее, русское, без гордости, без чванства, все любили их, беспрестанно посещали или угощали у себя. Начались в Харькове балы, маскарады, благородные собрания, называвшиеся тогда «клубами». К умножению увеселения, губернатор предложил основать театр. Все приступили с усердием, и тут же для первоначального заведения внесена значительная сумма, именно — сто рублей!.. и этой суммы весьма достаточно было... и не прошел месяц, как театр, огромный для Харькова, с ложами и другими принадлежностями, был открыт... Вот как это было.

По случаю проезда государыни императрицы Екатерины II в 1786 году через Харьков к так называвшемуся с открытия наместничества «дворцу», где теперь помещается правление университета и квартира попечителя, пристроена была, внутри двора, временная, из досок, но обширная зала, кругом с хорами в два яруса, внутри расписанная. В этой зале дворянство, наместничество и чиновники удостоены были счастья быть на бале, для них ее величеством данном. После того зала не была ничем занимаема. В ней-то устроили театр. Немного потребовалось, чтобы в готовой зале поставить сцену, на ней кулисы и расписать их. Мастерские взяты были из губернской роты, приказано им, и они все сработали. Все это смастерил губернский механик Лука Семенович Захаржевский. Он расписал две декорации — комнату и лес — и на места поставил занавес умудрился так устроить, что он поднимался и даже свободно опускался; над площадками прехитро придумал навесить доску, которая делала на сцене, в случае надобности, ночь. Едва ли кто из харьковцев помнит его; он имел много природных способностей. Он готов был с услугами каждому: перепаховое колечко ли выточить, заготовить ли фейерверк к семейному празднику, починить ли веер, устроить китайские тени, он на все мастак! Он даже сделал лодку как-то на колесах и ездил на ней по нашим рекам. При открытии наместничества его наименовали губерньским механиком. Сей-то великий искусник на маленькие дела устроил театральную сцену, по тогдашнему времени довольно порядочную. Затеял сделать машину, чтобы по свистку переменялись декорации, но

сколько ни мудрил, сколько ни делал приступов к тому, не доказал своего искусства и отложил затею в сторону.

Сцена готова. Между тем и репертуарная часть устроилась быстро. По убеждению губернатора, молодые люди, служившие в канцеляриях, в чертежной, не окончившие еще курса наук в тогдашних училищах, объявили желание играть на театре без всякого вознаграждения, а единственно для удовольствия публики. А как не нашлось охотниц вступить в актрисы, то из них же способные занимали женские роли. «Боже меня сохрани быть актершею! — говорила каждая дама, которой по обстоятельствам и предполагаемой способности предлагали вступить на театр. — С нуждою буду выработать кусок хлеба, а на бесславие не пойду».

И вот театр готов к открытию. Двенадцать лож были абонированы первыми чиновниками, по 50 руб. на целый год. В каждой ложе могло свободно поместиться до двадцати особ. Цена установлена за вход: кресла — 1 рубль (годовое 25 руб.), партер — 60 коп., галерея — 25 копеек медью.

Тогда существовало училище под непосредственным распоряжением губернатора, не имевшее другого наименования, как только *классы* (при образовании училищ, оно переименовано в гимназию без всякой прибавки в предметах). При классах из воспитанников был полный оркестр музыки и хор певчих, все под управлением знающего дело учителя Максима Прохоровича Концевича. Духовные концерты и другие пьесы, им сочиненные, славились в свое время и далее Харькова. Во время проезда Екатерины II он, на сказанном придворном бале, дирижировал оркестром и удостоился получить богатый перстень. Он же сочинил музыку на стихи, петье при входе ее величества во дворец. Стихи сочинены были в Харькове. Помню только начало:

Гремящу арфу взяв в десницу,
Сниди с Олимпа, Аполлон,
Играй, встречай императрицу,
Грядущую во Геликон.

Классический оркестр, по приказанию губернатора, обязан был играть в каждом представлении безвозмездно.

Дни представления были вторник и пятница, если не случался в тот день праздник. В праздничные и воскресные дни представления закрывались. Зимой и летом представления начинались неотложно в шесть часов вечера. Директором театра был избран один из чиновников только на один год.

Типографии не было, и писанная афиша, прибитая к фонарному столбу у ворот «дворца», извещала любопытствующих, какая пьеса в тот день будет представлена.

В продолжение успешной ярмарки театр открыт комедиею Княжнина: «Без обеда домой еду». Зрители заполнили весь обширный театр, и рукоплесканиям не было конца. Кроме

абонемент, первый спектакль принес 120 рублей. Собранная сумма, с небольшим остатком от первоунесенных ста рублей, и поступившая за абонемент составили театральный капитал, и любители этого увеселения с удовольствием заметили, что театр в Харькове уже мог существовать сам по себе. Вслед за тем пошли представления постоянно.

В первые дни после открытия театра явился к директору «настоящий актер». Не спрашивали, кто он и откуда, довольно, что актер, вызвавшийся поставить несколько превосходных комедий и даже опер. Его приняли с радостью, не заботясь знать о нем ничего более, как то, что он «Дмитрий Москвичев». Для первого дебюта его приготовлена была пьеса: «Князь-трубочист, трубочист-князь», за неимением партитуры переделанная в комедию.

Началось представление. Москвичев, в виде трубочиста, выпадает из камина на сцену, упал, приподнялся... и остолбенел!.. Не может выговорить слова... готов бежать со сцены... отчего же? — Приезжавший губернатор Орловского наместничества был приглашен в театр и сидел в первом ряду кресел. Актер Москвичев был в орловской губернской роте сержантом и в некоторые именитые дни, составя из любителей какую-нибудь пьеску, потешал тамошнюю публику. Поэтому губернатор знал его лично, а Москвичев и еще более знал губернатора. Услышав, что в Харькове устраивается театр и почувствовав в себе призвание, Москвичев тайно оставил знамена орловского губернского Марса и предложил услуги свои харьковской Талии. Итак, заметив своего губернатора, он постигнул следствия за самовольную перемену службы, потерялся совсем и едва не убежал со сцены; но начальник его, сжалясь над ним и чтобы не лишиться публики удовольствия, закричал ему: «Не робей, Дмитрий, не робей!.. Продолжай, не бойся ничего». И Дмитрий оправился и кончил пьесу к всеобщему удовольствию.

В тот же вечер оба губернатора кончили на бумагах, что сержант Дмитрий Москвичев переведен из орловской губернской роты в такую же харьковскую.

Москвичев ожил и приступил к поставке уже настоящей оперы: «Мельник». Актеры пели по слуху, т. е. за скрипкою дирижера, а для Анюты был выбран мальчик из классной певческой. Механик устроил мельницу с вертящимся колесом, лошадь с движущимися ногами; было чего посмотреть! Но когда, в продолжение представления, из-за зеленой горы выдвинут был большой красный шар и действующие сказали, что «это месяц взошел», тут рукоплескания потрясли воздух!..

Вот какие вольности терпимы были на сцене! Москвичев, представляя мельника — а в этой роли он точно был отличен, — запел:

Я вам, детушки, помога,
У *Сабурова* денег многа —

(Сабуров был один из первых чиновников, славился богатством), рукоплескания раздались... Сабуров захохотал... и более ничего.

Москвичев, чтобы поправить свою неудачу, в другой раз запел:

Я вам, детушки, помога,
У *Карпова* денег многа.

Карпов (богатый купец) покраснел, утерся... и больше ничего. Рукоплескания подтверждали, что актер пел правду.

Москвичеву надо было добиться до своего, и он запел:

Я вам, детушки, помога,
У *Манухина* денег многа.

(Манухин, купец, если и не богатый, то тароватый).

Вслед за этой остротой, полетел на сцену кошелек с рублевиками, и мельник, подняв его, манерно выступил, сделал три поклона с должным шарканьем ног... и, ободренный успехом, снова вступил в роль.

Никто не винил актера, все смеялись находчивости его... Часто бывали и потом подобные сцены и также проходили без взыскания... но до времени.

Представления продолжались постоянно. Комедии даваемые были большей частью Сумарокова; «Вздорщица» славилась за остроты. Гардероб был из стамеда и мишуры. Костюм «Скупого» был как-то «необыкновенно курьезный». Комедия Веревкина «Так и должно» дана с приготовлениями; к «Недорослю» же приступали с большим обдумыванием и соображениями. Едва ли не целый месяц продолжались репетиции. Из опер были: «Мельник», несколькими представлениями сряду умноживший значительно театральную кассу. Потом «Два охотника» и «Говорящая картина». Оперы же «Добрые солдаты» и «Сбитенщик», как требовавшие больших приготовлений и декораций, постановлены на другой год существования театра. Когда делал выписной *живописец* декорацию улицы, то знатоки съезжались в свободные от представления вечера в театр, освещали его, судили картину, делали свои замечания, требовали поправок и, наконец, одобрили.

Приготовление новой пьесы, хотя бы и не оперы, а обыкновенной комедии, было известно заблаговременно, и ее давали в обреченные дни; в прочее же время продовольствовались прежними, уже наизусть всем нам известными.

Проходило время, а все еще не было ни одной актрисы на нашем театре, как вот актер Москвичев женился на дочери одного из цыган, постоянно живущих в Харькове. Лизавета

Гавриловна была хорошенькая, молода, ловка, нравилась видевшим ее. Скоро после женитьбы Москвичева объявлено было, что жена его будет играть Анюту в опере «Мельник»... Несколько дней перед таким необыкновенным событием только и речей было, что, наконец, явится на сцене «настоящая актриса», т. е. не мужчина в женском платье, а именно женщина. А кто знавал «Лизку», тот предугадывал, чего должно ожидать от появления ее на сцене. В вечер представления театр ломился от множества зрителей... Но вышла Анюта... О Аполлон!!! Чего тут не было. Единственная женщина на сцене, и женщина молодая, хорошенькая, с черными живыми глазами, ловко играющая, очень мило, прелестно поющая, быстрым взором озирающая сидящих в креслах,— все было в исступлении. Рукоплескания, форо не умолкали, кошельки с червонцами и рублевиками летели на сцену то справа, то слева... тогда еще не были известны вызовы, так много льстящие нынешним актерам и актрисам...

Оперный репертуар умножился. Тут-то явились оперы: «Добрые солдаты», «Сбитенщик», «Несчастье от кареты», «Скупой», «Розана и Любим», «Любовная ссора», «Аркас и Приса» и проч. Поабралось актеров и актрис, «кто с борка, кто с сосенки». Представления пошли чаще. Приезжавшие из столицы уверяли, что там в праздничные и воскресные дни дают представления. Вот и у нас начались в эти дни.

И как все было хорошо в это безэтикетное, искреннее, патриархальное время! Каждое воскресенье, каждый праздничный, торжественный день, а тогда все торжества были табельные, утром все служащие чиновники, все, почему либо прибывшие в город дворяне, съезжаются к губернатору. С ним отправляются в собор. Оттуда опять к губернатору, и как не было тогда приглашений к обеду, а каждый почитал должною вежливостью приехать на обед к начальнику, то почти все оставались у него обедать. В высокоторжественные дни этикетный обед сам по себе. В прочие праздничные дни обед начинался в час. На столе сервиз серебряный, массивный, с гербами царским и наместничества, на 120 персон, со всеми принадлежностями. Такой сервиз выдан был от казны каждому губернатору при открытии наместничества. При столе всегда играет музыка, поют певчие; в каждое торжество, при открытии заздравного кубка, пальба из городских пушек от 21-го даже до 101-го выстрела, смотря по предмету торжества.

После обеда редко кто уезжал. Вместе всем так приятно было. Ласковость хозяек, приветливость, равная ко всем, свобода... что этого лучше?.. Губернатор уходил отдыхать и не возвращался; а приходил радушный, занимающий всех хозяев. Дамы и девицы в своих кругах; около них увиваются любовники с распудренными тупеями, длинными «в пучок» свя-

занными косами, в полосатых фраках, вышитых жилетах, в чулках, башмаках с огромными пряжками или сапогах «со скрипом», с большими отворотами и длинными ушами, из белой кожи; в петлице фрака букет цветов. Посерьезнее их мужчины, особыми группами расположась, трактуют где о делах, где о театре, об охоте... Хозяин, как бы в своем семействе, принимает участие в разговорах, суждениях, возражает и снисходительно выслушивает противоречия... Редко, редко, и то для почтенных старичков, разложат *один* карточный стол в рюкзак, ломбер.

Но вот пять часов. Глядим в окна... стройно марширует взвод «классных кадет», в красивых мундирчиках, с легкою амунициею. (Их была рота на всем положении, как в корпусах кадетских. Летом выходили они за город, делали укрепления, штурмовали; у них были свои пушки). Взвод этот ведет офицер из них же и часто моложе их летами, но за успехи в науках удостоенный от начальства повелевать товарищами. Придя к театру, офицер расставляет по два кадета с ружьями у каждого входа и особого для отбирания билетов. От пяти часов съезжаются к губернатору прочие чиновники и дворяне с семействами; тут же являются проезжающие через Харьков из столиц или других наместничеств, знакомятся с губернатором, с чиновниками, говорят о разных предметах, новостях... как вот шесть часов. Директор театра докладывает, что время идти в театр. По покойно устроенной лестнице все сходят и идут по своим местам. С появлением губернатора в его ложе, оркестр загремит симфонию, непосредственно за нею начинается представление.

После спектакля — все опять к губернатору. Тут музыка, певчие, начинаются танцы для молодых, продолжаются беседы солидных, а карт все не видно; к 12-ти часам легкий ужин, и все по домам. И таких дней два, три в неделю!..

В высокаторжественные дни — обед и бал у губернатора по билетам. В театр свободный для всех вход. Из высшего общества не было там никого. После театра фейерверк.

Именины губернатора праздновались отлично. Все присутственные места, по случаю тезоименитства его превосходительства и проч., и проч., закрывались. Всеобщий съезд у губернатора с поздравлениями. Являлись начальства «классов и коллегнума» с отборными учениками. Они *тезоименитому* говорили на всех преподаваемых в училищах языках поздравительные речи, стихи, «диалоги». Губернская типография подносила стихи, напечатанные на розовом атласе.

После полного титула, именованья чина, должности, орденов, имени, отчества, причины праздника, начинались они так:

Для совершения предметов благостройных
Дают цари градам правителей достойных.

Или:

Град Харьков, распрости внимательные очи:
Пройди чрез целый год, пройди все дни, все ночи,
Монарших милостей познай число и вес.
Начальник дан тебе... (более не помню).

В такие дни в театр был вход также свободный. Медведь в опере «Два охотника», всегда даваемую в эти дни, потешал ликующую публику.

Молва о Харьковском театре шла далеко. Порядок, устройство были отличные, доходы очень хороши, и как издержки были весьма не важны, то и капитал театра значительно умножился. Не для чего было издерживать денег: пьесы тогдашнего времени были не затейливы, из действующих на сцене были на жаловании только два вольные актера и три актрисы. Первые лица из них получали по 70 руб. ассигн. в год, а прочие 50 и 30 рублей. Бенефисов не было. Музыка и вся прислуга по театру была даровая, из присяжных казенной палаты и сторожей других судов. Гардероб шел прежний, с небольшими поправками и добавками, из китáйки, стамеди и мишуры, и то при новой пьесе, которые, как сказано, являлись редко.

По распространившимся слухам, прибыл в Харьков отставной придворный актер Константинов, и на предложение его принять театр на собственное содержание публика согласилась. К имевшимся уже при театре, посящим название актеров и актрис, он добавил еще привезенных с собою. Труппа была небольшая, шесть актеров и три актрисы только, но они были сгармонированы как нельзя лучше; сцену начали застилать сукном. Актеры выступали в пышных французских кафтанах, вышитых золотом, блестками, камнями, заблистали пуговицы, пряжки... что за роскошь! Декорации не только поновлены, но написаны новые: улицы с огромными строениями, которым и конца не было видно; лес — точно живой, непроходимый лес; комната с колоннами, карнизами и пышными зеркалами; другая поскромнее, но маленькая. И как изумлены были зрители, когда в одной пьесе, по содержанию, действующее лицо вдруг провалилось под пол, якобы земля пожрала его!.. Вот штука! Три дня занимала всех такая невидальщина!..

Пьесы прежние заменены были вновь вышедшими: «Тщеславный», «Счастливый волокита», «Честное слово», «Нанина» (Вольтера), «Минхемы, или Близнецы», «Братом проданная сестра», «Хвастун» и другими. Оперы игрались все тогдашнего времени и, наконец, — *per plus ultra* — трагедия «Беверлей», после которой Константинов, игравший первую роль, бывал болел дня по три.

Примадонна «Лизка» получала уже 300 рублей и бенефис; прочие от 250 до 75 рублей в год; бенефисов им не было. Абонемент на места возвышен: ложа 120 и 100 рублей, и все по-

прежнему на год. Абонирующие должны были сами отделявать ложи: разных цветов бархат, атлас с блестящими украшениями делали в зале, хотя и при сильно тусклом освещении, отличный вид. Для прочих мест цены были также высокие: кресла 2 руб. 50 коп. (годовое 50 руб.), стулья за креслами 1 руб. 50 коп., партер 1 руб., галерея 50 коп. Для абонеента положены были представления по воскресеньям и четвергам. В прочие дни, не исключая и субботы, в случае ярмарок и съезда дворянства. играли не в счет абонеента, и тогда давались новые или и из прежних отличные пьесы.

Несмотря на возвышение цен и на беспрестанное повторение одних и тех же пьес (особливо «Нанины», Честного слова» и некоторых опер), театр, кроме лиц, выходявших от губернатора, как сказано выше, наполнялся посетителями очень усердно. Зная каждую пьесу наизусть, они повторяли слова за действующими и с постоянным жаром рукоплескали при любимых ими выражениях.

Константинов был принят в обществе и от доходов театра, за удовлетворением уже значительных расходов по нем, жил очень изрядно. Не было надобности с труппою скитаться по другим городам и ярмаркам, «зашибать копейку», как делают в иных местах содержатели театров.

Государственный траур прекратил существование нашего театра.

Театральную залу, по каким-то расчетам, новое местное начальство придумало сломать, декорации, гардероб и все принадлежавшее к театру продано с аукциона. Константинов и труппа его разъехались по разным сторонам. Чиновников в губернском городе уменьшилось до одной трети; начальники губернии сменялись часто; потребовалась деятельность по службе, занялись делом серьезно, некогда было думать о рассеяниях.

Не скоро, и именно в 1808 году, проезжающие или, вернее, проходящие через город иаш два актера с актрисою, ищущие где-нибудь приютить свои необыкновенные таланты и тем избавиться от голодной смерти, предложили свои услуги харьковской публике, *единственно* для пользы общей. Один из служивших тогда у нас чиновников, зная общее желание и соглашаясь на просьбу общества, взял на себя заботы дать возможность странствующим артистам показать сценические свои дарования. Прискана зала; за невозможностью устроить вскоре сцену, поставлены столы, на них укрепили ширмы в виде кулис, прицепили занавес. К актерам *ex officio*¹ прикомандировали любителей из приказных служителей. В назначенный день съехался ареопаг, и уселся — или, правильнее, улегся — там; зажгли сальные свечи, три скрипки проиграли Моцартов

¹ Официно (лат.). — Ред.

«Квартет», суфлер под главным столом застучал ногою и занавес взвился!.. Стихи в комедии «Братом проданная сестра» полились быстро, бурно, бойко, громко, шумно... Четыре раза падающий занавес скрывал актеров от внимательных слушателей и давал средство великим действующим после сильных напряжений отдыхать и запасаться новыми порывами на следующее действие... Когда же и пятое действие «отодрали лихо», занавес тихо опустился в последний раз, ареопаг при громких рукоплесканиях произнес свое решение: «Быть театру в Харькове!» И в самом деле, вся публика вообще приступила с убеждениями к тому же чиновнику и «умолила» его позаботиться устроить для нас театр.

По всей справедливости должно сказать, что этому чиновнику мы обязаны за новое основание у нас театра, послужившее к продолжению его и до настоящего времени. Тогда, на первый случай, смастерили балаган, устроили подмости, повесили декорации и поспешили начать представление. А между тем на площади, против дворянского дома, выстроен театр, да какой! Правда, из досок, но кроме того, что сцена была обширная, глубокая, в зале было 17 лож в верхнем, лучшем ярусе и 15 внизу; несколько рядов кресел, партер, амфитеатр и галерея. Для большего удобства были выходы для каждого отделения зрителей. Декорация, по тогдашнему времени и способам, явилась приличная, выгодная и благовидная.

Все ложи и много кресел были немедленно абонированы, и уже счет шел не на время, но на число представлений. Цены были немного дороже прежнего. «Севильский цирюльник», большая комедия Коцебу и другие маленькие комедии, все русские оперы тогдашнего времени беспрестанно сменялись на нашей сцене. Чада Талии, скитающиеся по России, услышав о новом для них пристанище, явились изумлять нас своими дарованиями. Довольно было и того, что было место, где собирались все, и все с удовольствием проводили время.

Видя готовность публики поддерживать театр, один из актеров пустился на спекуляцию: взял все содержание театра на себя. Прекрасно. Кроме директора, по препоручению правительства, имевшего обязанность наблюдать за пристойностью в представлениях, не нужно было заниматься никакими экономическими расчетами вообще по театру и особенно с актерами. Дело шло хорошо. Публика продолжала усердно посещать каждое представление; доходы театра множились... Но вот содержатель, не заплатив актерам за несколько месяцев следующего им жалованья и других своих значительных долгов, скрылся из города, не объявив прежде о том, но не забыв взять театральную кассу и начавшего составляться гардероба... Сиротствующие любимцы муз готовы были рассеяться, но Аполлон сжалился над ними и пожелал продлить удовольствие наше. Явилась новая труппа, и с остатками нашей — со-

ставилось целое. Публика взяла снова все на свое попечение. Начались представления. Но что же? Главные лица были нерусские, худо говорившие по-русски, с чудным акцентом, с нестерпимым чванством и самоуверенностью. Графа, по нужде барона еще возьмутся сыграть, но простого дворянина ни за что. «Гонор маю, не позволяет играть то же лицо, кеди я сам. Бо я шляхтич есмь». Так говорили они. Роли для них должны были писать латинскими буквами. Жалованье потребовали и по теперешнему времени значительное. Примадонна и первый актер получали по 1200 рублей в год и по бенефису для каждого, в лучшее время. Прочие (а глядя на них, и наши, прежде двухсотные, потянулись за 1000) — 800 и бенефисы на каждое лицо. И вот на бенефис дается «Гамлет», перевода самого актера!!! Чудесные пьесы того же переводчика являлись часто: «Испытание огнем и также через воду», «Междоусобная война у французов с итальянцами», «Оба Фигаро» (*Les deux Figaro*), «Страшная черная маска», «Ариадна одна, оставленная на острове Наксосе», «Месть за злодеяние», — названия прочих ужасов не помню. Мало переводилось с польского, а по объявлению переводчика, переводы были с английского, испанского и, наконец, с американского, потому что действие было в Соединенных Штатах; явилась страшная пьеса и его сочинения... да, не прогневайтесь, так объявлено было. И это была трагедия «Бианка Капелла» из Мейснеровой повести русского перевода, разбитая на действия. Страшно было смотреть, как эти короли, герцоги тиранствовали! На сцену выводилось десятка по два солдат, а предводители этих армий в шляпах с перьями, с нашитыми в разных местах какого-то платья буфами... И вот герой, геройственнейший пред соперником, закричит, заревет, взмахнет мечом, раздастся сиповатый голос суфлера: «Падайте, падайте!» — и противная армия чебурах вся наповал. Публика, заплатившая медные деньги, рукоплещет из всех сил, громче актера кричит: «Фора! фора!» Мертвые встают, и герой, изумивший своею храбростью, снова размахивает мечом, и враги его падают снова, якобы вторично побитые!

— Сделайте милость, батюшка, прикажите комедиантам представить «Гамлета». Мы его редко видаем.— Так, разглаживая свою пушистую бороду, молил один из *первостатейных* управлявшего тогда театром.

— Помилуйте,— отвечал тот,— пьеса искажена в переложении, и как ужасно сыграли они еще вдобавок!

— Слова нет, батюшка, гадко, из руки вон. Сюжета мы не поняли. Но извольте видеть: все приятнее видеть на сцене королей, герцогов и других героев, чем простых дворян, которых мы ежедневно встречаем.

Нерусские актеры сделались нестерпимы. Примадонна не явится раньше в театр, как в 8 часов, когда начало объявлено

в 7. За всеми позываами ее на сцену даже посланному за нею квартальному преравнодушно отвечает: «Нех почekaют; я еще чай бендзе питця». Актеры пренебрегали всякою не героическою ролью и выходили на сцену в домашнем сюртуке. Их отпустили.

Начали пробиваться кое-как пьесами Коцебу и другими тогдашними. Одним из кандидатов университета сочинена была музыка на оперу «Чертов замок», и эта опера дана была во всей полноте, к изумлению зрителей, впервые увидевших превращения, быстрые перемены декораций и все тому подобное. Но далее и далее, это было в 1811 году, театр ослабевал. Наступало время думать не о театре. В начале 1812 года он прекратился совсем.

В 1813 году давались представления, но только во время ярмарок, приезжавшею на время труппою Калиновского, плохого актера, содержателя себе на уме. Часто перед началом представлений актеры, одевшись, не хотели выходить без получения следующего за месяц жалования. Часа два публика ожидала, пока они между собою сторгуются. Начальство вмешивалось, и выходили забавные сцены. Приготовлена была опера: «Земира и Азор». Азор, в полном костюме, обшитый мехом, перьями, с чудовищной головой, требует от содержателя жалованья; содержатель обещает выдать после спектакля, когда примет сбор. Азор не соглашается, сверх своего уродливого костюма накидывает шинель и идет на квартиру, ожидая, что деньги будут непременно присланы ему. Приказывают силою привести Азора. Его ведут поневоле. Народ толпою преследует его, крича, что дикого человека поймали, и проч., и проч.

За сбором наблюдает полицейский чиновник. По окончании спектакля он разделяет кассу между актерами, но не может удовлетворить всех претензий. Содержатель в отчаянии, — ему не на что купить румян для актрис.

Наезды этой труппы с героическими пьесами причиняли начальству одни беспокойства, а публика, кроме сцен, подобных описанным выше, вовсе не заботилась о поддержании временных бедных героев, бедных во всем и даже в гардеробе. Как вот является г. Штейн, учитель танцевания. Из всех вольных театров он приглашает лучших актеров из Москвы, труппы Пезнякова, актрис и дает представления отличные. Выбор пьес из новейших, постановка с большим старанием, издержками, даже роскошью для провинциального театра предсказывали ему успех. А вскоре он выпрашивает мальчиков и девочек прямо из деревни и чрез месяц, в заключение спектакля, дает балеты своего сочинения: «Принцесса Карарская», «Пигмалион», «Волшебная флейта»; был балет «Выстреленный вертопрах, или цыгане в своих шатрах» и еще несколько, по сюжету таких же; но танцы шли превосходно. Актеров и актрис с ро-

лями, кроме тех, что выходят на несколько слов, было более сорока; балет состоял из двадцати человек; оркестр отличный, первый во всех здешних губерниях. Штейн не думал о своих выгодах, не заботился о составлении капитала, но все доходы от представлений, и еще занимая к тому, употреблял на улучшение труппы своей и на приличную постановку пьес.

Штейн снова захотел публику к театру, и тогда-то, в 1816 году, выстроил он теперешний театр.

Со временем в труппе Штейна явился у нас в первый раз прибывший из Курска М. С. Щепкин. Не во гнев *некоторым* сказать, его никто не наставлял и не учил: таланта, подобного Щепкину, нельзя произвести, он сам родится и часто бывает неизвестен *своему хозяину* — до времени. Мы все, не видавшие далее провинциальных театров, в Щепкине начали понимать, что есть и каков должен быть актер... так нам ли было учить его?

Кстати, расскажу анекдот о Щепкине, слышанный мною от князя П. Г. Репнина. Труппу Штейна взял князь из Харькова к себе в Полтаву, под свое покровительство и распоряжение. Тогда в Полтаве узнали Щепкина. Князь ездил в Москву; Щепкин как артист, всегда желающий учиться (без сомнения, он и теперь еще учится по-прежнему у самого себя), просил взять его с собою, чтобы видеть первых артистов в Москве и заняться от них к своему усовершенствованию. По приезде в Москву, Щепкин был в театре... и на другой же день просил князя отпустить его обратно в Полтаву, чтобы не проживаться; он-де, мол, уже видел все...

Доходы в Полтаве и добавляемая сумма собственно от князя Репнина не могли удовлетворить всем требованиям по театру. Как ни желал князь иметь театр постоянно при себе, но не было возможности. На полную труппу с балетом требовались десятки тысяч, гардероб был истинно богатый; где нужно было, там точно являлось золото, бархат, шелк; музыка, по достоинству своему, требовала несколько тысяч. Для умножения способов, театр переезжал в Харьков на крещенскую и успенскую ярмарки. Щепкин, репертуар из первых отличных комедий и опер, едва только появлявшихся на сцене в столице, порядок, устройство, — все это привлекало в театр, и в 15 спектаклей получалось 15 и более тысяч. Но и за всем тем не было возможности удовлетворить всем потребностям. Штейн снова принял всю эту огромную массу на свое содержание. В Харьков приезжал он с труппой к успенской ярмарке и потом, если публика поддерживала его абонировкою, он оставался до великого поста. Кажется, Штейн театром не устроил своего состояния и едва ли за свою ревность угождать публике всех здешних губерний не оставил по смерти долгов.

Труппа г. Млатковского, управление ею, заботливость до-

ставлять публике удовольствие видны и известны всему множеству посетителей театра; дело говорит само за собой. Вот доказательство, что старательность его оценивается самим начальством: дозволено выстроить в Харькове каменный театр навсегда. Конечно, ходатайствовавшее о том начальство имело ввиду более всего удовольствие публики, но при неосновательном содержателе едва ли бы приступило к устройению театра и не заботилось бы столько о поддержании его по всем частям.

Просим же посещать и новый, обширный, прекрасный, во всех отношениях достойный Харькова театр и тем показать попечительному даже об удовольствиях наших начальству, что мы с благодарностью принимаем это распоряжение.

Посещая часто театр, будем благодарны и г. Млатковскому за доставляемое старанием его нам не только удовольствие, но иногда, при способах, совершенное наслаждение. При постоянной поддержке, зная усердие и заботливость г. Млатковского, мы смело уверены, что театр наш год от году будет идти более и более к совершенству.

ИСТОРИЯ ТЕАТРА В ХАРЬКОВЕ

Вперше надруковано в «Прибавленнях к «Харьковским губернским ведомостям» 1841 р., № 32—34, під назвою «Театр в Харькове». Передруковано в «Литературной газете» під назвою «История театра в Харькове», 1841, № 114, с. 453—456; № 115, с. 457—460, а також у виданнях: «Прибавление к «Московским губернским ведомостям» (1842 р., 30 мая, № 22) і журн. «Репертуар и Пантеон» (1842, кн. 12, с. 15—20).

Увійшло до зібрання: Сочинения Григория Федоровича Квитки. Под ред. А. А. Потебни, т. IV, с. 481—499.

Автограф невідомий.

Подається за публікацією в «Литературной газете».

С. 90. С открытия наместничества в 1780 году...— Харків став місцеперебуванням намісництва у 1781 р., хоча саме намісництво було створено 1780 р.

С. 91. Кишенський Федір Іванович — харківський губернатор; перед приїздом до Харкова відав справами підлеглих Росії калмиків.

С. 92. Тоді існувало училище...— Йдеться про навчальний заклад, на основі якого пізніше було створено першу харківську гімназію.

... комедією Княжнина «Без обеду домой еду».— Повна назва комедії російського драматурга Якова Борисовича Княжнина (1742—1791) «Неудачный примиритель, или Без обеду домой еду».

С. 93. «Князь-трубочист, трубочист-князь» — італійська комічна опера М. А. Портогаллі, російський переклад Івана Опанасовича Дмитревського (1734—1821).

... оставил знамена орловского губернского Марса и предложил услуги свои харьковской Талии...— Тобто покинув військову службу і перейшов у театр. В античній міфології Марс — бог війни, Талія — одна з муз, богиня-покровителька комедії.

... оперы «Мельник»...— Мається на увазі комічна опера «Мельник, колдун, обманщик и сват» російського драматурга Олександра Онисимовича Аблесимова (1742—1783). Спочатку йшла з музикою М. М. Соколовського, а з 1792 р.— з музикою Є. І. Фоміна.

... для Аюти...— тобто на роль героїні комічної опери «Мельник, колдун, обманщик и сват», доньки мельника.

С. 94. Сумароков Олександр Петрович (1717—1777) — російський поет і драматург — класицист, директор петербурзьких імператорських театрів.

«Вздорщница» — комедія на одну дію О. П. Сумарокова.

«Скупой».— Тут, очевидно, йдеться про комічну оперу Б. Я. Княжнина, музику до якої написав композитор В. О. Пашкевич (1742—1797). П'єса вперше була поставлена в Петербурзі в 1782 р. З кінця XVIII ст. під такою ж назвою на російській сцені йшла однойменна комедія Ж.-Б. Мольєра в російському перекладі Івана Кропотова.

Верьовкін Михайло Іванович (1732—1795) — директор Казанської гімназії, драматург і перекладач, член Російської Академії наук (з 1785 р.).

... к «Недорослю»...— тобто до комедії Д. І. Фонвізіна.

«Два охотника» — комічна опера на одну дію французького драматурга Ансома, російський переклад І. О. Дмитревського.

«Говорящая картина» — комічна опера французького драматурга і композитора Андре-Ернеста Модеста Гретрі (1741—1813).

«Добрые солдаты» — комічна опера російського поета і драматурга-класициста Михайла Матвійовича Хераскова (1733—1807), музику до якої написав капельмейстер імператорського театру Г. Раупах.

«Сбитенщик» — трьохактна комічна опера Я. Б. Княжнина; музика французького композитора Жана Бюлана, що жив у Росії (р. н. невід.— пом. 1821).

С. 95. Фор (Фора).— В театрах XVIII — першої половини XIX ст. вигук схвалення.

«Несчастье от кареты» — комічна опера Я. Б. Княжнина, спрямована проти галломанії; музика В. О. Пашкевича.

«Розана и Любим» — комічна опера російського драматурга Миколи Петровича Ніколева (1758—1815); музика російського композитора, італійця за походженням, М. Керцеллі.

«Л ю б о в н а я с с о р а» — комедія А. Н. Бухарського, наслідування Ж.-Б. Мольєру.

«А р к а с и И р и с а» — комічна опера російського поета і драматурга Майкова Василя Івановича (1728—1778); музика М. Керцеллі.

Т у п е й — вид зачіски (підбитий спереду чуб).

С. 96. Р о к а м б о л ь, л о м б е р — види картярської гри.

С. 97. К о н с т а н т и н о в Т р о х и м В а с и л ь о в и ч (серед. XVIII ст.—після 1798 р.) — колишній актор імператорського театру, який разом із П. О. Плавильщиковим (1760—1812) в 1793—1795 рр. виступав в амбуа героя. У Харківському театрі, куди поступив 1795 р., Т. В. Константинов вперше звів антрепризу, розширив зв'язки провінційних акторів з майстрами московської сцени.

«Т щ е с л а в н ы й» — п'єса Дестуша.

«М и н х е м ы, и л и Б л и з н е ц ы» — комедія французького драматурга Ж.-Ф. Реньяра (1655—1709). На російській сцені йшла в перекладі Василя Гнатовича Лукіна (1737—1794).

«Б р а т о м п р о д а н н а я с е с т р а» — п'єса маловідомого російського драматурга Дмитра Володимировича Єфім'єва (пом. 1804) (точна назва: «Преступник от игры, или Братом проданная сестра». Комедия в 5 действиях).

«Х в а с т у н» — комедія Я. Б. Княжнина.

«Б е в е р л е й» — трагедія в 5 діях німецького письменника Є. Мура, яка йшла на російській сцені в перекладі І. О. Дмитревського, здійсненому не безпосередньо з оригіналу, а з французької переробки Сорена.

С. 98. О д и н и з с л у ж и в ш и х т о г д а у н а с ч и н о в н и к о в... — Очевидно, мається на увазі губернський чиновник Микола Іванович Шредер, який з 1808 і приблизно до 1812 р. керував Харківським театром. Згодом тамбовський віце-губернатор.

А р е о п а г — тут: місцева влада.

С. 99. «С е в и л ь с к и й ц и р ю л ь н и к» — комедія П.-О. де Бомарше (1732—1799) на російській сцені йшла в перекладі Рафаїла Михайловича Зотова (1794—1871).

... б о л ь ш а я к о м е д и я К о ц е б у... — Йдеться про комедію «Ненависть к людям и раскаяние». В цьому спектаклі трупі І. Ф. Штейна роль Майнау грав актор реалістичного напрямку Павлов.

К о ц е б у А в г у с т - Ф р і д р і х - Ф е р д і н а н д ф о н (1761—1819) — німецький письменник, автор сентиментальних мелодрам, видавець шовіністичних журналів, за фахом адвокат, перебував на російській службі, монархіст.

С. 100. ... т р а г е д и я «Б и а н к а К а п е л л а» з М е й с н е р о в о й п о в е с т и р у с с к о г о п е р е в о д а. — Йдеться про драматичну переробку однойменного роману німецького письменника А. Г. Мейснера (1753—1807).

С. 101. ... т р у п о ю К а л и н о в с к о г о... — Трупою із польських, російських та українських акторів, очолюваних російським актором і антрепренером Осипом Івановичем Калиновським (пом. 1829 р.). Ставши співвласником Харківського театру разом із І. Ф. Штейном, О. І. Калиновський сприяв демократизації провінційної сцени. Тут, зокрема, виступали такі видатні актори, як М. С. Щепкін, П. Є. Барсов, І. Ф. Угаров. У 1816 р. трупа О. Калиновського відокремилась від трупи І. Штейна і почала виступати самостійно в Калужі та Воронежі.

Штейн Іван Федорович (пом. 1830 р.) — антрепренер, діяч російського і українського театрів. З 1814 р. тримав антрепризу у Харкові.

Щепкін Михайло Семенович (1788—1863) — російський актор, основоположник російського та українського сценічного реалізму. Із серпня 1816 до весни 1821 р. виступав у трупі І. Ф. Штейна. Неодноразово виконував ролі у виставах п'єс Г. Ф. Квітки-Основ'яненка.

«Земира и Азор» — комічна опера А.-Е.-М. Гретрі. Поряд із цією комічною оперою на російській сцені йшов однойменний балет у трьох актах.

... дає балети свого сочинення... — Очевидно, І. Штейн здійснивав і переробки окремих мелодрам, балетів, що йшли тоді на петербурзькій сцені. Так, мелодрама «Пігмаліон» Жан-Жака Руссо в російському перекладі В. Майкова (з музикою Куанье), одноактний балет «Пігмаліон, или Оживленная статуя» (твір Гільфердінга, музика капельмейстера Старцера), опера «Волшебная флейта» В. А. Моцарта (лібретто в перекладі Шеллера, стали основою однойменних балетних спектаклів І. Ф. Штейна.

С. 102. ... князя Рєпнина... — військового губернатора Малоросії з 1816 по 1835 р., мецената українського театру. М. Г. Рєпнін сприяв викупові М. С. Щепкіна на волю із кріпаків. Під час кількарізних гастролей полтавської трупи у Харкові листовно просив Г. Ф. Квітку-Основ'яненка бути директором театру на період гастролей. (Див.: Павловский И. К истории Малороссии во время генерал-губернаторства кн. Н. Г. Рєпнина (Очерки, материалы и переписка). Полтава, 1905).

... трупа г. Млатковського. — Колектив, очолюваний актором, режисером і антрепренером українського і російського театру Людвігом Юрійовичем Млатковським (пом. 1855). Л. Ю. Млатковський після Київського театру спочатку виступав у трупі І. Штейна як хорист та актор, у 1833 р. очолив курську групу штейнівської трупи. У ній виступали видатні актори К. Соленик, М. Рібаков, М. Млатковська. У 1834—1843 рр. трупа Л. Млатковського виступала в Харкові.

Про один із спектаклів, поставлених Л. Млатковським, йдеться в повісті Г. Ф. Квітки-Основ'яненка «Ярмарка».